

С. Б. БЕРНШТЕЙН

ВВЕДЕНИЕ В СЛАВЯНСКУЮ МОРФОНОЛОГИЮ¹

Памяти П. С. Кузнецова

Фонетические изменения и чередования. В славянских языках очень часто можно наблюдать мену гласных и согласных в одних и тех же морфемах (чаще в корневых). Однако эта мена обычно не разрушает тождества морфем: в русских словах *вода* и *водный* представлена одна и та же корневая морфема *vod-*, несмотря на то, что в первом случае произносится *vad-* [*vadá*], во втором — *vod-* [*vódnaj*]. Каждая пара имеет тождественную корневую морфему и в случаях типа *нести* — *носить*, *гнать* — *гонять*, *лезть* — *лазить* или типа *река* — *речка*, *нога* — *ножка*, *муха* — *мушка*. Однако легко заметить, что мена гласных и согласных в этих примерах имеет различный характер. В первом случае [*vadá* — *vódnaj*] представлена мена русского гласного [o] в безударной позиции. Здесь корневая морфема *vod-* представляет вариант на фонетическом уровне. Это фонетическое явление известно в науке под названием *аканья*. В северных окраинах русских говоров в этом случае мены гласных не будет. Аналогичную картину найдем, например, в польском, где морфема *vod-* будет представлять гласный [o] в ударной и безударной позициях: *woda* [*vóda*], *wodnica* [*vod-níca*], *wodny* [*vódnj*], *wodospad* [*vodóspat*]. Напротив, во многих болгарских говорах в данной корневой морфеме в безударной позиции обнаруживаем гласный [u]: *vuđa*, *vuđenica*, но *vóden*. Все эти изменения носят фонетический характер.

В примерах типа *гнать* — *гонять* (ср. польск. *gnać* — *gonić*, чеш. *hnáti* — *honiti*, серб.-хорв. *gnáti* — *gdniti*), *нести* — *носить* (ср. польск. *nieść* — *nosić*, чеш. *něsti* — *nositi*, серб.-хорв. *něsti* — *nositi*), *лезть* — *лазить* (ср. польск. *leźć* — *łazić*, чеш. *lězti* — *lězati*, серб.-хорв. *lěsti* — *láziti*) варианты корневых морфем (или алломорфы) находятся в иных взаимоотношениях. Здесь эти варианты определяют уже не фонетическими, а грамматическими (или лексико-грамматическими) условиями. Так, в русском языке глаголы движения *нести*, *лезть*, *идти*, *плыть*, *ползти* и под. принадлежат к глаголам линейного движения, а глаголы *носить*, *лазить*, *годить*, *плавать* и под. к моторно-кратным глаголам, которые выражают действие без отношения к данному моменту, действие, совершаемое не в одном направлении и в разное время. Аналогично дифференцируются данные пары глаголов движения, например,

¹ В 1961 г. был опубликован первый выпуск моего «Очерка сравнительной грамматики славянских языков», содержащий общее введение и фонетику. Настоящая статья отражает мою дальнейшую работу над праславянскими морфонологическими чередованиями и именными основами. Она содержит ряд новых положений и фактов, которые излагаются наряду с уже утвердившимися и известными. Исключение последних привело бы к нарушению целостности и системности изложения. Все примеры из славянских литературных языков даются в современной орфографии. Для всех славянских языков используется латинская транскрипция. Транскрипция примеров из литературных языков дается в квадратных скобках.

в словацком: *niest'* — *nosit'*, *viezť* — *vozt'*, *liezt'* — *lozit'*, хотя возможны различия в отдельных случаях. Так, отдельные глаголы не имеют бесприставочной моторно-кратной пары. Употребление указанных пар глаголов движения не во всех славянских языках тождественно, но нигде оно не вызывается фонетическими причинами. В сербохорватском варианте *gnāti* — *gdniti* грамматически не различаются. Обычно употребляется *gdniti*, а вариант *gnāti* является устаревшим и употребляется только в инфинитиве. Глагол *leztí* известен в этом языке только с приставками (ср. *nālesti* — *nālezem* «миновать»). В чешском языке глагол *lězati* встречается редко и носит диалектный характер.

Мена согласных в случаях типа *река* — *речка*, *нога* — *ножка*, *муха* — *мушка* обусловлена словообразованием: перед уменьшительным суффиксом *-ка* задненебные согласные изменяются в передненебные (шипящие). Это явление последовательно, но с разной степенью интенсивности представлено во всех славянских языках (ср., например, польск. *rzeka* — *rzeczka*, *noga* — *nóżka*, *tucha* — *muszka*; словацк. *riecka* — *riečka*, *noha* — *nôžka*, *tucha* — *tuška*; в.-луж. *rěka* — *rěčka*, *noha* — *nôžka*, *tucha* — *tuška* и др.).

В ряде случаев фонетическое варьирование морфем может иметь грамматические последствия, а на грамматические варианты (на алломорфы) могут накладываться фонетические варианты. Так, в русском языке позиционное оглушение конечных звонких шумных согласных (явление фонетическое) имеет определенные грамматические последствия: в именительном падеже единственного числа все слова мужского рода на согласный могут оканчиваться только на шумные глухие согласные и на сонанты. Указанные выше русские глаголы *нести* — *носить* на грамматическом уровне представляют мену гласных фонем [e] и [o], а на фонетическом — мену гласных звуков [i] и [a]: [n'is't'i] — [nas't'it'].

Итак, необходимо различать фонетические изменения и чередования. Первые определяются фонетической позицией, вторые морфологическими, словообразовательными и лексическими условиями.

Во многих лингвистических трудах, однако, термин «чередование» употребляют как синоним слов «мена, изменение, преобразование». Даже Н. Ван-Вейк, один из основоположников славянской фонологии, не связывал проблемы чередования с позиционными или непозиционными изменениями в языке, полагая, что «если в группе этимологически родственных форм гласные подвергаются изменению, то это изменение называют чередованием»². Как можно было видеть, не всякие изменения этимологически родственных форм следует относить к чередованиям.

Некоторые исследователи, желая сохранить термин «чередование» для всех случаев преобразования морфем, вносят уточнение: следует различать живые чередования и исторические чередования. Под живыми чередованиями они понимают позиционно обусловленные изменения: например, в русском [druk — drúga], [sv'ét — sv'ét'e], т. е. фонетические изменения, а под историческими чередованиями — позиционно не обусловленные: например, в русском *друг* — *другья* — *дружки*. Данное разграничение является тем более неудачным, что и среди подлинных чередований приходится различать живые чередования и только исторические (традиционные) чередования.

Конечно, не всегда просто разграничить позиционные фонетические изменения и чередования. Это объясняется прежде всего тем, что последние возникают из первых. Процесс перехода позиционных изменений в чередования очень сложный. На его пути встречается много препятствий,

² Н. Ван-Вейк, История старославянского языка, М., 1957, стр. 226.

которые преодолеваются по-разному в каждом конкретном случае. Часто трудно ответить на прямо поставленный вопрос — что это за явление в языке, фонетическое или чередование? В ряде случаев приходится отмечать две стороны явления. Объясняется это сложностью структуры славянских языков, наличием в ней многих ярусов. Одним и тем же явлениям языка можно дать разные толкования. Так, в русских примерах [dup — dubý], [vos — vozý], [zup — zúbja] можно отметить ф о н е т и ч е с к о е явление оглушения конечных звонких шумных согласных. Этому же явлению можно дать толкование в терминах фонологии: в конце слова различия между звонкими и глухими шумными согласными фонемами нейтрализуются. Наконец, это явление можно переформулировать в терминах грамматики (см. выше). Вот почему многие фонетические явления с определенными ограничениями могут быть переформулированы как чередования. Опыт, однако, говорит, что это следует делать при условии ясного и четкого разграничения языковых уровней.

В польском *dqb — dęby, zqb — zęby* представлено чередование [o : e], которое в данном случае служит дополнительным средством для разграничения именительного падежа единственного числа и именительного падежа множественного числа. Однако это различие самым тесным образом связано с фонетическими условиями. Указанное чередование находим в морфемах, которые в единственном числе оканчиваются на глухой, а во множественном числе на звонкий: [domp — demby], [zomp — zemby]. Чередование гласных в корневой морфеме будет отсутствовать, если конечному глухому в единственном числе будет корреспондировать глухой согласный и во множественном числе: [semp — sempy]; орфогр. *sep — sepy* «ястреб». В положении перед [š : ž] чередование будет осложнено назальной артикуляцией: [voš — veže], орфогр. *wąż — weże* «змея». «Система чередований любого языка,— пишет П. С. Кузнецов,— представляет ряд последовательных напластований, хронологические отношения между разными чередованиями могут быть очень сложными, весьма различна может быть степень морфологизации отдельных чередований, т. е. та роль, какую эти чередования играют в морфологическом строе языка»³.

Чередования (прежде всего чередования гласных) изучаются лингвистами уже давно. Еще на заре сравнительного языкознания детально исследовались условия и характер чередования гласных в древних индоевропейских языках. Особое внимание чередованию гласных уделяли германисты, так как эти чередования играют весьма важную роль в морфологии германских языков.

Еще не так давно все чередования гласных в индоевропейских языках (Ablaut) рассматривались только как фонетические явления. Такой подход к чередованиям был особенно характерным для младограмматиков (К. Бругман, Г. Гюбшман, Г. Хирт и др.). Нельзя сказать, что этот взгляд на чередования в современном языкознании преодолен полностью, что он теперь не имеет своих защитников. Их особенно много среди славистов. Во многих еще недавно опубликованных сводных трудах по славянскому языкознанию, в ряде исторических очерков отдельных славянских языков, в диалектологических исследованиях, в описаниях литературных языков чередования рассматриваются обычно в аспекте фонетики. Резко, но совершенно справедливо такой подход к данной проблеме осуждает А. А. Реформатский⁴.

³ П. С. Кузнецов, О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке, ИАН ОЛЯ, 1952, 1, стр. 64.

⁴ А. А. Реформатский, О соотношении фонетики и грамматики (морфологии), сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 100.

В современном сравнительном языкознании наблюдается стремление соединить традиционный взгляд на чередования (в частности, на аблаут) с новым подходом к этой проблеме. Эту тенденцию легко обнаружить, например, в «Сравнительной грамматике германских языков», которая во многих отношениях является трудом ценным и новаторским. В обширной главе «Аблаут в германских языках» при описании структуры аблаута и его грамматической функции автор главы М. М. Гухман постоянно вторгается в область фонетики, в связи с чем вынуждена оставлять германскую почву и заниматься решением вопросов, которые подлежат компетенции только специалистов по сравнительной грамматике индоевропейских языков. М. М. Гухман отдает себе отчет в том, что «в синхронно-функциональном плане германский аблаут выходит за пределы фонологической системы и является средством реализации морфологических противопоставлений»⁵. Однако генетически германский аблаут восходит к позиционным фонетическим явлениям, на основании чего автор утверждает, что «те и к а его реализации, его внутренняя структура раскрываются и должны исследоваться на фонологическом уровне»⁶. С этим положением согласиться невозможно. Фонетические законы, обусловившие в конечном счете аблаут в любом индоевропейском языке, действовали еще в период существования индоевропейского праязыка (возможно, даже ранних эпох его истории). Нет сомнения, что аблаут сформировался уже на индоевропейской почве. Это, конечно, не исключает того, что в отдельных грамматических категориях чередование гласных могло сформироваться на фонетической основе не в праиндоевропейском, а позже. Так, парадигматическое чередование [e : ē] в праславянском сигматическом аористе *гѣтъ — геѣ* возникло в результате праславянского фонетического процесса. Тем не менее, ни в одном из индоевропейских языков (ни в германском, ни в славянском и т. д.) аблаут уже не был подчинен фонетическим закономерностям. В германском аблаут всегда был лишь «средством реализации морфологических противопоставлений». Это было недавно хорошо показано В. М. Жирмунским⁷. Полезно вспомнить Ф. де Соссюра, который еще в начале нашего столетия учил: «Многие лингвисты до сих пор делают ошибку, полагая, что чередование есть явление фонетическое, основываясь на том, что материалом для него служат звуки, и что в его генезисе участвуют их изменения. В действительности же, брать ли чередование в его исходной точке или в его окончательном виде, оно всегда является нам как нечто, относящееся к грамматике и синхронии»⁸. Здесь нельзя согласиться только с заключительной частью утверждения Соссюра. В своей исходной точке большинство чередований восходит к позиционным фонетическим изменениям.

Велики заслуги в разработке теории чередований И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского. Впервые в истории языкознания они разграничили изучение звуковой стороны языка и чередований. Труды Бодуэна де Куртенэ (главным образом его «Versuch einer Theorie phonetischer Alternation», 1895) заложили основы того раздела языкознания, который позже был удачно назван Н. С. Трубецким морфонологией. Конечно, роль Трубецкого не ограничилась лишь созданием термина: «ни Бодуэн де Куртенэ, ни Крушевский не обобщили результатов своих наблюдений

⁵ «Сравнительная грамматика германских языков», II — Фонология, М., 1962, стр. 244.

⁶ Там же.

⁷ V. Žirmunski, Der grammatische Ablaut im Germanischen, сб. «Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kurylowicz», Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965.

⁸ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 148.

в данной области в рамках единой теории, и подлинным создателем новой дисциплины — морфонологии — явился Н. С. Трубецкой»⁹. Это, конечно, не значит, что морфонологическая теория Трубецкого является в настоящее время общепризнанной. Высказывалось много справедливых критических замечаний как по основным принципиальным положениям, так и по ряду частных вопросов. Среди своих предшественников Трубецкой имел не только Бодуэна де Куртена и Крушевского. Немало интересных и важных наблюдений над природой чередований содержится в работах А. Мейе, В. Матезиуса, С. Шобера, Е. Д. Поливанова. После Трубецкого много сделали для разработки теории морфонологии В. Скаличка, П. С. Кузнецов, Э. Станкевич и др.

Формирование и распад чередований. Чередование — явление историческое, оно «есть результат омертвления звуковых законов давней поры»¹⁰. Фонетическое явление одного периода в другую эпоху может стать уже чередованием.

В определенных фонетических условиях устанавливается строгая мена гласных и согласных. В дальнейшем в результате фонетической эволюции условия данной мены могут преобразоваться коренным образом. В связи с этим вариант фонемы может стать самостоятельной фонемой. Этот процесс носит название фонологизации.

В древнерусском языке до определенного периода его истории гласный [o] после мягкого согласного являлся вариантом фонемы [e]. В дальнейшем в результате изменения [ě] в [e], отвердения некоторых мягких согласных, ряда аналогичских процессов, заимствований из родственных и неродственных языков произошел процесс фонологизации [ʼo]. В связи с этим отношения между [e] и [o] в одних и тех же морфемах после мягких и отвердевших согласных стали характеризовать варианты морфем (алломорфы). Таким образом, в результате фонологизации наступила морфологизация. Таков путь перехода звуковых изменений в чередования.

В праславянском языке согласный [g] перед [ě] изменился по условиям первой палатализации заднебных в [ž], а затем в [ž]: *gēr- > žēr-*. В дальнейшем в этой позиции [ě] изменился в [a]: *žēr- > žar-*. В результате [ž] оказался перед гласным заднего ряда [a], т. е. теперь [ž] уже мог употребляться в тех же самых позициях, что и [g]: *žar-*, но *ugar-*. Таким путем возникла новая фонема [ž]. Конечно, процесс превращения [ž] в самостоятельную фонему был длительным. На стыке морфем [ž] в течение продолжительного времени представлял собой двухфонемное сочетание, в положении перед гласными переднего ряда являлся вариантом фонемы [g] (об этом подробнее ниже).

Чередование может возникнуть на фонетической основе, и не проходя подобного сложного пути преобразования. В современном польском языке находим чередование твердого и мягкого конечного согласного в корневых морфемах в творительном и местном падежах единственного числа: *dworem — dworze* «двор», *kramem — kramie* «лавка», *grobem — grobie* «могила», *stawem — stawie* «пруд», *chłopem — chłopie* «мужик», *trafem — trafie* «случай». Здесь представлено чередование твердых и мягких фонем в положении перед гласным [e]. В древнепольском указанные выше различия

⁹ Э. А. Макаев, Е. С. Кубрякова, О предмете и задачах морфонологии и ее месте среди других лингвистических дисциплин, в кн. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействия», М., 1967, стр. 4—5. См. также: E. Stankiewicz, Trubetzkoy and Slavic morphophonemics, «Wiener slavistischen Jahrbuch», 14, 1964.

¹⁰ Г. Винокур, Чередование звуков и смежные явления в современном русском языке, «Доклады и сообщения филологического факультета [МГУ им. Ломоносова]», 2, 1947, стр. 17.

были позиционными и не являлись поэтому чередованиями. В творительном падеже единственного числа согласный корня находился перед [ɣ]: *dvorčmb*, в местном падеже единственного числа перед [ɛ]: *dvorč̃*.

Не всегда каждое чередование в языке непременно возникает на фонетической основе. В ряде случаев оно появляется по аналогии с другими чередованиями ¹¹. Именно такого происхождения многие чередования гласных в глагольных основах. Аналогического происхождения русские чередования [ɣ' : ɣ'] : *графлю* — *графишь*. Даже поздние заимствования подчиняются существующим в языке рядам чередований и закономерно преобразовывают свою структуру (ср. русск. *флаг* — *флажок*, укр. *універмаг* — в *універмазі*, словацк. *fyzik* — *fyzici* и под.).

Чередование предполагает синхроническое тождество морфем. Поэтому для каждого периода язык будет представлять различные чередования, так как синхроническое тождество морфем в эволюционном развитии языка постоянно нарушается. В русских глаголах *чистить* и *цедить*, *ценить* и *каяться* теперь, конечно, нет никакого чередования [č : c] или [c : k], так как в результате длительного исторического развития было нарушено тождество данных пар морфем. Трудно теперь в глаголе *шалить* и в имени *нахал* обнаружить общую корневую морфему *xəl-*, *xōl-* или в названиях насекомых *комар* и *шмель* выявить одну морфему с чередующимися гласными: *кот-*, *кът-*. Это способен сделать лишь этимолог, который с помощью сравнительно-исторического метода устанавливает диахроническое тождество данных морфем. Таким образом, возникнув на основе позиционных (фонетических) процессов, сами чередования, пройдя сложный путь развития, в дальнейшем могут распастись в связи с разрушением синхронического тождества морфем.

В суффиксальных элементах слова чередование может утратиться в связи с изменениями границ между суффиксами, в связи с созданием новых суффиксов (подробнее см. ниже).

Чередования могут исчезнуть в связи с утратой ряда вариантов морфем. Часто сходные случаи могут представлять существенные различия. Так, в русском находим чередование [g : ž] в словах *нога* — *ложка*. В *ложка* теперь чередований нет, так как отсутствует в языке позиция, которая дала бы возможность в морфеме *lož* восстановить более древний вид. Иными словами, для данной морфемы в языке отсутствуют условия дополнительной дистрибуции. Таким образом, чередования в языке могут проявляться только при условии дополнительной дистрибуции. Поэтому полное описание чередований в том или ином языке предполагает детальный учет всех условий дополнительной дистрибуции морфем.

Дополнительная дистрибуция может проявляться в различных морфологических и словообразовательных условиях. Глагол *мочь* в русском представляет чередование в парадигме настоящего времени (*могу* — *можешь* — *может* — *можем* — *можете* — *могут*), тогда как глагол *плакать* обнаруживает чередование только при сопоставлении настоящего времени с прошедшим или инфинитивом (*плакал*, *плакать* — *плачу*).

Не всегда просто установить древнее чередование (т. е. чередования на основе диахронического тождества), так как для этого мы должны быть уверены, что имеем дело с тождественными морфемами. Здесь мы вступаем в область этимологии. Этимология, однако, не всегда дает надежные ответы, часто предлагая на выбор несколько решений. От выбора этимологии зависит установление тех или иных чередований. Возьмем два примера.

В русском языке слово *голова* является общеславянским: болг. *главня*, серб.-хорв. *glávnya*, слов. *glávnja*, чеш., словацк. *hlaveň*, польск. *głównia*,

¹¹ См. об этом: П. С. Кузнецов, указ соч., стр. 63—64.

н.-луж. *głownja* и др. Все эти примеры дают возможность уверенно реконструировать праславянское *golъnja* (*golъnъjъ*). Теперь, чтобы установить родственные отношения данного слова, нужно знать его этимологию. Без этого все сопоставления будут лишены твердой почвы.

Многие исследователи праслав. *golъnja* связывают с *golva* (А. Брюкнер, Э. Бернекер, М. Фасмер). Согласно этому взгляду, *golъnja* первоначально имело значение «головка пылающего полена». При данном решении *golъnja* вместе с *golva* должны сопоставляться с одним кругом слов (например, с *желвъ* «черепаха», *желвак* «шипика»). Но возможен и другой путь, который дает возможность сопоставить *golъnja* с широким кругом слов, объединенных семантически значительно теснее. Этот путь был открыт Г. А. Ильинским. Он обратил внимание на русское *галка* в значении «горящая головня, носимая ветром во время пожара». Для сравнения он привлек др.-польск. *żal* «горение», кашуб. *żaleć* «тлеть» и, наконец, польск. *zgliszczce* «пепелище». Эти примеры дают возможность восстановить чередование *gol- : gōl- : gēl- : gьl-*. Данные алломорфы восходят к одной морфеме со значением «гореть, пылать, тлеть»¹².

В русском языке известно слово *губа* в значении «небольшой морской залив на севере» (ср. *Кольская губа*, *Онежская губа*). Многие этимологи видят здесь тот же корень, что и в словах *гъбнѣти* (ср. русск. *гнать*, чеш. *hnouti*, в.-луж. *hnuć*), *гъбежъ* (ср. ст.-слав. *гъбежъ* «изгиб»), *gybati*, *sgybiŭ* и др. Если принять эту этимологию, то в слове *губа* следует видеть огласовку *оу* (*gouba*) и связывать данное слово с указанными выше. Однако возможна и иная этимология, которая представляется более надежной и которая связывает это слово со словом *grba* (ср. русск. *губа*, польск. *geba*, чеш. *huba*). Фасмер с полным основанием отдает предпочтение именно этой этимологии (ср. этимологию русск. *устье*; аналогичным образом в турецком *boğaz* имеет значение «горло, глотка, устье реки, узкий горный проход, пролив, канал»). Если мы отдадим предпочтение этой этимологии, то указанные выше сопоставления будут ошибочными, так как в таком случае *губа* будет восходить к праслав. *grba*.

Типы и виды чередований. В языке следует различать типы и виды чередований. Чередоваться могут фонемы, чередоваться могут варианты морфем (алломорфы), наконец, определяющим фактором в чередовании могут быть фонетические признаки (ударение, интонация и под.), которые как бы накладываются на морфемы в определенных грамматических позициях.

Первый из указанных типов чередования (т. е. чередование фонем в определенной морфеме) называется морфонологическим чередованием. Именно к таким чередованиям относятся все случаи аблаута, чередования согласных, вызванные палатализационными процессами праславянского периода, чередования гласных в связи с судьбой сверхкратных, веяризации гласных переднего ряда и мн. др. Второй тип чередования (т. е. чередования алломорф) относится к словообразовательным чередованиям и является, таким образом, разделом словообразования, а не морфонологии. В данном случае выступает уже не чередование, скажем, фонем [e : o] или [k : ě], а чередование алломорф *ber- : bor-* или *ruk- : ruċ-*. Конечно, словообразовательные чередования опираются на морфонологические чередования, но они представляют в системе языка более высокий ярус. Практически во многих словообразовательных чередованиях мы сталкиваемся с морфонологическим чередованием, так как первые подчиняются морфонологическим рядам чередований. В русски х глаголах *мокнуть*,

¹² Г. Ильинский, *Славянские этимологии*, РФВ, LXXIII, 2, Варшава, 1915, стр. 291—292.

макать, мочить, намачивать на уровне морфонологии представлены чередования гласных [o : a], согласных [k : č], на уровне словообразования — чередования алломорф *tok-* : *tak-* : *moč-* : *tač-*. Единая морфема в различных условиях представляет четыре алломорфы, которые чередуются между собою.

Существует еще третий тип чередований, который можно назвать суперсегментным¹³. В данном случае речь идет о чередовании ударных и безударных гласных, о чередовании морфем с различной интонацией.

Границы между различными типами чередований изменчивы и непостоянны. Один тип чередования в иных системных отношениях может перейти уже в другой тип. Так, суперсегментные чередования морфем с разной интонацией в прошлом (в ранние эпохи праславянского языка) относились к морфонологическим чередованиям, так как в то время восходящий или нисходящий тон монофтонга или дифтонгического сочетания являлся не суперсегментным элементом, а важнейшим конститутивным признаком гласного или гласного сонанта. До морфологизации рядов чередований словообразовательных чередований в языке не существовало; они появились значительно позже.

Не всегда легко разграничить морфонологические и словообразовательные чередования. Однако это разграничение необходимо, так как здесь выступают различные типы чередований, которые имеют различную природу и формировались в разное время. П. С. Кузнецов неоднократно утверждал, что чередование [e : o] в случаях типа *tekъ* — *potokъ* было продуктивным не только в праславянском языке, но и в ранние эпохи самостоятельных славянских языков. Однако доказывал это он примерами словообразовательных чередований, извлеченными из древних русских памятников и из диалектов¹⁴.

Еще И. А. Бодуэн де Куртене сводил все живые чередования в языке только к чередованиям морфем. Хорошо известно его положение, что «...альтернирующими единицами могут считаться не фонемы, а целые морфемы, так как только морфемы являются семасиологически неделимыми языковыми единицами. Итак, с точки зрения свойственной языку психической жизни альтернируют между собой целые морфемы и их соединения: польск. *mog-* : *moż-*, *mrus* : *mroz-*, *plac-i* : *plac-...*»¹⁵. Это положение тесно связано с общей психологической концепцией автора, которая давно уже преодолена в современном языкознании. Однако в данном пункте влияние концепции Бодуэна де Куртене можно обнаружить в работах многих современных лингвистов. Это проявляется в том, что все морфонологические чередования рассматриваются только в словообразовании на уровне алломорф, а не фонем¹⁶. Если бы был прав Бодуэн де Куртене, то совершенно неубедительным было бы утверждение Н. С. Трубецкого, что «морфонология как связующее звено между морфологией и фонологией должна занять принадлежащее ей по праву достойное место в грамматике»¹⁷.

¹³ Подробнее об этом см.: С. Б. Бернштейн, О некоторых вопросах теории чередований, «Советское славяноведение», 1965, 5, стр. 52.

¹⁴ Там же, стр. 50—51.

¹⁵ И. А. Бодуэн де Куртене, Избранные труды по общему языкознанию, I, М., 1963, стр. 273.

¹⁶ См., например: B. Letz, Kmeňoslovné úvahy, v Turčianskom Svätom Martine, 1943; Y. Millet, Les postverbaux en tchèque, Paris, 1958, и др.

¹⁷ Н. С. Трубецкой, Некоторые соображения относительно морфонологии, в кн. «Пражский лингвистический кружок», М., 1967, стр. 116. Это положение Н. С. Трубецкого стремится детально раскрыть в монографии «Das morphologische System der russischen Sprache» (опубликована в серии TCLP, 52, 1934).

Не менее сложные и трудные вопросы стоят перед исследователями при определении природы и состава суперсегментных чередований. Типичным примером суперсегментного чередования является динамическое ударение. Однако при расчленении слова на морфемы этот фонетический признак элиминируется. Нет ударных и безударных морфем, есть ударные и безударные слоги в слове. Это же относится и к чередованию морфем с разной интонацией (например, серб.-хорв. именительный падеж единственного числа *dask-a*, но винительный падеж единственного числа *dask-u*, родительный падеж множественного числа *dasak-ā* и под.). Корневая морфема *dask-* (*dasak-*) вне слова интонации не имеет. Это относится даже к таким случаям, как серб.-хорв. *мир*, *девр*, *еук* и под., которые в именительном падеже единственного числа имеют долгую нисходящую интонацию. Морфемы *mir-*, *dvor-*, *vik-* интонационных признаков иметь не могут¹⁸.

Итак, типы чередований не однородны. Каждый из них может иметь несколько видов. Так, среди морфонологических чередований следует различать грамматические и традиционные чередования, продуктивные и непродуктивные, парадигматические и деривационные. В словообразовательных чередованиях важно разграничивать чередования сильных и слабых алломорф; в собственно суперсегментных чередованиях — чередования ударных и безударных гласных, интонационные чередования.

Какие из типов чередований входят в морфонологию? По этому вопросу среди специалистов существуют серьезные разногласия. Полагаю, что в морфонологии нужно рассматривать только так называемые морфонологические чередования. Чередования алломорф — предмет словообразования. Суперсегментные чередования целесообразно анализировать в морфологии.

Виды морфонологических чередований. Существуют два основных вида морфонологических чередований: грамматические чередования и традиционные чередования. Грамматические чередования — активно действующий элемент языковой системы, они выполняются в языке различными грамматическими функциями. Они всегда действуют на основе синхронического тождества морфем. Для традиционных чередований разграничение синхронического и диахронического тождества морфем не актуально (ср., с одной стороны, чередования типа русск. *беру* — *сборы*, *несу* — *заносы*, с другой, — *вечер* — *вчера*, *земля* — *змяя* и под.).

Традиционные чередования — определенный этап в развитии грамматических чередований (например, аблаут). В прошлом все они выполняли грамматические функции. В результате языковой эволюции традиционные чередования вновь могут быть использованы грамматикой. В этом отношении очень показательны те старые чередования гласных, которые уже в поздний период истории праславянского языка стали вновь играть существенную роль в системе глагольного видового противопоставления (ср. русск. *положить* — *полагать*, *умереть* — *умирать*, серб.-хорв. *skôčiti* — *skákati*, *gôniti* — *gānati*, чеш. *krájeti* — *krojiti*, *māčeti* — *močiti* и под.).

Следует различать продуктивные и непродуктивные морфонологические чередования. Это различие не совпадает с указанным выше, так как грамматические чередования могут быть продуктивными и непродуктивными. Конечно, традиционные чередования бывают только непродуктивными.

Вопрос о продуктивности и непродуктивности чередований нельзя решать статистическим методом. Чередования, отраженные во многих

¹⁸ Совсем с других позиций проблема просодических чередований рассматривается в статье: E. Stankiewicz, Slavic morphophonemics in its typological and diachronic aspects, «Current trends in linguistics», III — Theoretical foundations, The Hague — Paris, 1966, стр. 505—509.

морфемах, могут оказаться непродуктивными. Продуктивными являются только те чередования, которые используются для образования актуальных грамматических категорий, которые представлены в продуктивных классах системы языка. С. Шобер считал чередования [o : a] в польских глаголах *chodzić — chadzać, prosić — upraszać, uspokoić — uspokajać* продуктивными¹⁹. Чередования в данном случае отражают важную грамматическую особенность современного польского языка (и не только польского), которая активно действует и подчиняет себе новообразования. В украинском языке аналогичное чередование представляется мне теперь уже непродуктивным.

Одни и те же чередования фонем в различных грамматических условиях могут быть продуктивными и непродуктивными. Так, чередование [ā : ā] в чешском в склонении является непродуктивным (ср. им. ед. *kravou*), в словообразовании — продуктивным (ср. *dar — dārek, rak — ráček, vrata — vrátka*)²⁰.

Морфонологические чередования обнаруживаются как в парадигме одного слова (ср. серб.-хорв. им. ед. *mājka, noga*, род. ед. *májkē, nogē*, дат. ед. *májci, nōzi*; вин. ед. *májku, nōgu*, твор. ед. *májkōm, nōgōm*, местн. ед. *májci, nōzi*; чеш. 1-е лицо ед. *peku*, 2-е лицо ед. *pečeš*, 3-е лицо ед. *peče*, 1-е лицо мн. *pečete*, 2-е лицо мн. *pečete*, 3-е лицо мн. *pekou*), так и в различных деривационных образованиях (ср. русск. *нога — ножка — ножной*, болг. *белег «знак» — бележка — бележник*). Первый тип морфонологического чередования представлен в одном слове. Он является дополнительным, но весьма существенным признаком морфологии. Второй — характеризует чередования общей морфемы в разных словах и таким образом вторгается в области словообразования. Итак, среди морфонологических чередований нужно различать парадигматические и деривационные чередования.

Имеется и третий переходный тип, представленный в глаголе. Здесь, кроме парадигматического и деривационного чередований, находим особый вид парадигматического чередования, когда морфонологический ряд представлен в одном слове, но в разных грамматических категориях: ср. русск. *могу — можешь*, но *могу — мочь*, чеш. *česati — česám — češ!*, *hnáti — ženu — žeň!* и др.

Парадигматические чередования тесно объединяют морфонологию с морфологией. Эти чередования утрачиваются или преобразовываются под активным воздействием морфологической аналогии. Деривационные чередования сближают морфонологию со словообразованием, хотя между той и другой есть и весьма существенное различие. В словообразовании необходимо строго учитывать словообразовательный деривационный ряд, закономерности которого не действуют в морфологии. Так, например, в случаях типа русск. *дружба, служба* и под. нельзя говорить о чередовании алломорф *druž- : drug-, služ- : slug-*, так как именные образования на *-ba* являются отглагольными, т. е. *дружба* и *служба* образованы от глаголов *дружить* и *служить*, а не от имен *друг* и *слуга*. В морфологии словообразовательный деривационный ряд не имеет значения: деривационные чередования в морфологии не подчиняются словообразовательным законам деривации. В морфологии деривационный ряд чередования свободно отражается в общей морфеме, независимо от словообразовательной цепочки.

Судьба деривационных морфонологических чередований зависит от процессов, которые происходят в структуре суффиксов. Наиболее устой-

¹⁹ S. Szober, Gramatyka języka polskiego, II, Warszawa, 1931, стр. 102.

²⁰ M. Dokulil, Tvoření slov v češtině, I, Praha, 1962, стр. 170.

чивы эти чередования в исходе корневой морфемы. Переразложение в суффиксах приводит к утрате деривационного чередования. Уже давно утрачено деривационное чередование [k : c] в праслав. *starikъ* — *starica*, так как уже много столетий тому назад сформировался суффикс *-ica* (ср. русск. *лев* — *лвица*, болг. *бивола* — *биволица* и под.). Имеется ли чередование [k : ě] в русских примерах *бедняк* — *беднячка*, *моряк* — *морячка* и под.? Ответ зависит от результатов словообразовательного анализа. Он будет положительным, если слова женского рода образованы от основы *bedn'ák-*, *mor'ák-*, и отрицательным, если слова женского рода имеют суффикс *-ačka* (ср. русск. *гордец* — *гордячка*).

Ряды чередований. Морфонологические чередования осуществляются в языке в виде соотносительных и несоотносительных рядов. Соотносительный ряд представлен в том случае, когда в определенных грамматических условиях в чередовании последовательно выступают чередующиеся пары фонем (две и больше): например, в русском в 1-м лице ед. числа настоящего времени [k : ě], [g : ž], [t : t'], [d : d'] и т. д. (*пеку* — *печешь*, *могу* — *можешь*, *иду* — *идешь* и др.).

Соотносительные ряды морфонологических чередований действуют в языке последовательно и автоматически. Поэтому, зная место данной морфемы в структуре языка, можно точно предсказать, как она будет подчиняться действию соотносительного ряда в различных грамматических позициях. Так, от имени *чебуреки* безошибочно и автоматически в русском образуется *чебуречная*. По действующим в языке живым соотносительным рядам чередований от заимствованного слова *док* «тик» болгарин автоматически образует прилагательное *дочен* «тиковый, сделанный из тика». Конечно, соотносительные ряды подвержены в каждом языке многим ограничениям, что объясняется конкретной историей определенных слов. С этими ограничениями часто не хотят считаться дети, в языке которых автоматизация морфонологических рядов принимает иногда универсальный характер.

В отличие от соотносительного ряда, несоотносительный ряд (т. е. единичную пару чередования) предсказать во многих случаях невозможно, так как он может определяться в своей основе уже не грамматическими условиями, а языковой традицией. Так, чередование гласных с нулем звука в корневых морфемах (так называемые «беглые» гласные) предсказать нельзя, так как морфемы аналогичной структуры могут и не иметь чередований: русск. *сон* — *сна*, *день* — *дня*, но *дом* — *дома*, *нос* — *носа*, польск. *sen* — *sni*, *dzień* — *dnia*, но *ser* — *seru* «сыр» и под. Это, однако, не распространяется на все случаи «беглых» гласных. Чередование гласных с нулем звука, например, в уменьшительном суффиксе *-ъкъ* (ср. русск. *бережок* — *бережка*, польск. *dworek* — *dworku* и аналогичные) представляют собой также несоотносительный ряд морфонологических чередования, который между тем характеризует чередование в определенных грамматических условиях. Это чередование действует в славянских языках последовательно.

Соотносительные ряды существуют в фонологии и в морфонологии. Однако эти ряды имеют различную природу и подчиняются разным закономерностям. В морфонологии одни и те же фонемы могут входить в различные соотносительные ряды и выполнять различную функцию. Так, чередование [k : ě] в глагольной парадигме настоящего времени в русском языке входит в соотносительный ряд чередований твердых и мягких фонем (*пеку* — *печешь*, *несу* — *несешь* и т. д.), тогда как при образовании уменьшительных существительных мужского рода (*сук* — *сучок*) данная пара не характеризует чередование твердых и мягких фонем (ср. *воз* — *возок*, *дуб* — *дубок*). В отличие от русского языка в чешском чередование [k : ě]

в парадигме настоящего времени не характеризует чередования твердых и мягких фонем (*peku — pešeš, nesu — neseš, беру — береš* и др.). Именно этим объясняется неустойчивость здесь данных чередований: ср. *peši — pešeš — pešou, teši — tešeš — tešou, seši — sešeš — sešou*.

В морфологии одна и та же фонема может входить не только в различные соотносительные ряды, но может иметь и различный коррелят: ср. в русск. *рука — ручка, штука — штучка, река — речка, но птица — птичка, овца — овечка*. Специфика поведения фонем в морфонологической структуре удачно вскрыта Макаевым и Кубряковой: «В морфологии поэтому занимаются не столько фонологическим составом морфемы как таковой, но рамками его подвижности. Основная функция фонемы — диакритическая, но в морфологии важен не столько факт противопоставления одной фонемы другой, сколько возможность отождествления разных фонологических последовательностей как членов одного морфемного ряда»²¹.

Характеризуя фонологический соотносительный ряд по твердости — мягкости в русском языке, Р. И. Аванесов исключает из этого ряда чередования [k : ċ], [g : ž], [x : š]. Данный ряд в русском представлен 12 парами: [p : p'], [b : b'], [f : f'], [v : v'], [m : m'], [t : t'], [d : d'], [s : s'], [z : z'], [l : l'], [n : n'], [r : r']. «Остальные десять согласных фонем пар по твердости — мягкости не образуют. Одни из них являются внепарными твердыми, так как отсутствуют соответствующие мягкие фонемы. Таковы [š], [ž], [č], а также [k], [g], [x]. Другие — [š'], [ž'], [č'], [j] — являются внепарными мягкими, так как отсутствуют соответствующие твердые»²². Однако для морфонологического уровня такая характеристика уже недействительна. В одном соотносительном морфонологическом ряду фонемы [č], [ž], [š] могут быть мягкими, в другом — нейтральными по данному признаку. Строго говоря, в славянской морфологии твердыми фонемы [č], [ž], [š] не бывают.

При характеристике морфонологического соотносительного ряда многие фонетические признаки фонем не имеют значения. В случаях типа *пога — пошка* налицо чередование [g : ž], несмотря на то, что во втором примере представлено оглушение звонкого [ž]: *пошка*. Один из существенных недостатков теории чередований И. А. Бодуэна де Куртене как раз в том, что он пытался отразить в чередовании все фонетические изменения звуков.

Одни и те же чередования фонем могут формироваться в различное время в зависимости от того соотносительного ряда, в который они входят. В период формирования новой структуры 1-го лица ед. числа глаголов настоящего времени под воздействием нетематических глаголов в сербохорватском языке еще не установился соотносительный ряд чередований, согласно которому в 1-м лице ед. числа и 3-м лице мн. числа корневая морфема должна оканчиваться на задненебный, а в остальных позициях на шипящий. Поэтому здесь в 1-м лице ед. числа могла сформироваться структура типа *реѣѣт*. В польском переход носового гласного заднего ряда в кратких слогах в носовой гласный переднего ряда произошел уже после формирования данного соотносительного ряда. Вот почему в 1-м лице ед. числа находим здесь *тоге* и под., а не *тоѣ*. В русском переход [e] в [o] в определенных фонетических условиях происходил также позже. Этим объясняется, почему здесь находим шипящий во 2, 3-м лицах ед. числа и в 1, 2-м лицах мн. числа перед гласными заднего ряда: *печешь* [peč'os], *печет* [peč'ot], *печем* [peč'om], *печете* [peč'ot'e].

²¹ Э. А. Макаев, Е. С. Кубрякова, указ. соч., стр. 11.

²² Р. И. Аванесов, Фонетика современного русского литературного языка, [М.], 1956, стр. 170.

Итак, в 1-м лице ед. числа в сербохорватском [k] перед [e] не сохранился: *пеку* < *пѣчѣм*. Иначе обстояло дело в склонении. В результате воздействия мягкого варианта основ на твердый в сербохорватском в родительном падеже единственного числа [k] оказался перед [e]: *рукѣ*. Здесь сохранился корень на задненебный, так как в склонении во время воздействия мягкого варианта соотносительный ряд чередования уже сформировался.

Соотносительные ряды морфологических чередований не только формируются, но и разрушаются. Под воздействием аналогии часто преобразуется или совсем разрушается соотносительный ряд в парадигматических чередованиях. Примеры в изобилии представляют все славянские языки: ср. словацк. *matka* — *o matke*, *noha* — *na nohe* и под. Аналогия может произвести выравнивание и до установления соотносительного ряда, еще на уровне фонетики. Вероятно, так было с результатами второй палатализации в русском склонении. Надо думать, что русские говоры в склонении не знали соотносительного ряда морфологического чередования [k : c], [g : z], [x : s]. Иначе в словацком, где действие аналогии привело к разрушению именно этого соотносительного ряда. Данный соотносительный ряд интенсивно разрушается на наших глазах в северных чакавских говорах сербохорватского языка²³.

Один соотносительный ряд морфологического чередования может изменить характер отдельных звеньев ряда, не преобразуя по существу всей структуры. Так, в русских диалектных примерах типа *пеку* — *pek'ót*... наблюдаем преобразование звена [k : ě] в [k : k']. Это, однако, не приводит к разрушению самого соотносительного ряда. Лишь звено [k : ě] преобразуется в [k : k'], а звено [g : ž] в [g : g']. Известна русским говорам и полная утрата чередований в звеньях [k : ě] и [g : ž]: *pekú* — *pekóš* — *pekót*, *mogú* — *mogóš* — *mogót*. Произошла утрата чередований в этих звеньях ряда в украинском: *печу* — *печеш* — *пече* — *печемо* — *печете* — *печуть*; *біжу* — *біжиш* — *біжить* — *біжимо* — *біжимо* — *біжать*. Однако здесь в отличие от русских говоров произошло не только преобразование или утрата отдельного или отдельных звеньев ряда. Здесь вообще утрачен данный соотносительный ряд чередований [*nesú* — *neséš*..., *vezú* — *vezéš*...].

Соотносительный ряд чередований не зависит ни в какой степени от фонетической позиции, хотя часто в определенных его звеньях обнаруживаются следы прежних фонетических закономерностей. Это обстоятельство может породить неверное представление об отдельных звеньях чередований.

Рассматривая чередование мягких и твердых согласных в глаголе, авторы коллективной «Русской диалектологии» полагают, что во 2, 3-м лицах ед. числа и 1, 2-м лицах мн. числа перед гласным [e] смягчение «является фонетически обусловленным и не играет грамматической роли. В говорах, где все эти окончания или часть из них имеют фонему [o], чередование С/С' — морфологическое, причем член чередования С представлен в формах 1-го лица ед. числа и 3-го лица мн. числа, а член С' — в тех формах, где в окончании представлена фонема [o]. Мягкость согласного в окончаниях с фонемой [e], обусловленная позицией, не несет грамматической функции»²⁴. Таким образом, согласно данной точке зрения, в случае *pekú* — *pečóš* — *pečót*... выступает грамматически обусловленное чередование, а в случае *mogú* — *móžeš* — *mžet*... — изменение фонети-

²³ См.: К. Е. Naylor, A comparison of the nominal declension of the Čakavian dialects, literary Serbo-Croatian, and Russian, «Зборник за филологију и лингвистику», IX, Нови Сад, 1966, стр. 68.

²⁴ «Русская диалектология», М., 1964, стр. 154.

ческого характера. Данное толкование принять невозможно. В том и другом случае представлен один и тот же соотносительный ряд чередования. Этот соотносительный ряд обнаруживается в положении перед гласными заднего ряда (ср. русск. *берегу* — *бережёт*), перед гласными переднего ряда (ср. польск. *może* — *możesz*), перед гласными и согласными (ср. чеш. *roh* — *rožní* «угловой»). Уже давно во всех славянских языках варианты с шипящими перед гласными переднего ряда порвали связь с фонетикой. Это убедительно подтверждают многочисленные примеры с заднеязычными [k], [g], [x] перед гласными переднего ряда: русск. *кишке, волки, ноге, герой, тилый, мухи*; польск. *bokiem, wilki, kierunek* «направление», *kiszka, giętki* «гибкий», *gips* и под.

Ко времени действия второй и третьей палатализации заднеязычных согласные [č], [ž], [š] уже стали самостоятельными фонемами и начали играть существенную роль в праславянской морфологии. П. С. Кузнецов отмечает, что «поскольку фонетически перед любым гласным переднего ряда на месте заднеязычного согласного теперь может явиться свистящий, отношения *k — č, g — ž, x — š* фонетически не обусловлены даже в тех случаях, когда шипящие находятся перед гласными переднего ряда, и выступают, таким образом, как чередования морфологического порядка»²⁵. Это справедливо уже для праславянского периода. Тем более это относится к современным славянским языкам.

Основная проблематика морфологии — изучение соотносительных и несоотносительных (единичных) рядов чередований, их структуры, функционирования и истории. Именно наличие в языке этих рядов чередований и дает право на существование самостоятельной области грамматики — морфологии. Не во всех языках существуют морфологические ряды чередований. Для этих языков выделение самостоятельного раздела морфологии лишено основания. Нельзя согласиться с положением, сформулированным Н. С. Трубецким: «морфология... должна занять принадлежащее ей по праву достойное место в грамматике, подчеркиваю — в любой грамматике, а не только в грамматиках семитских и индоевропейских языков»²⁶. Правда, дальше Н. С. Трубецкой внес некоторое ограничение: «Только такие языки, которые не имеют морфологии в собственном смысле этого слова, могут обойтись также и без морфологии»²⁷. Опыт морфологических описаний последних десятилетий убедительно опровергает это положение. Не случайно, что морфология сравнительно интенсивно развивается именно в славянском языкознании. Примечательно, что в теоретическом обзорном труде «Current trends in linguistics» (III — Theoretical foundations) раздел морфологии представлен конкретным описанием славянской морфологии. Именно на описании чередований в славянских языках можно было наиболее полно охарактеризовать теоретические основы морфологии.

Прав В. Скаличка, не усматривая в структуре турецкого языка фактов, которые давали бы основания говорить о турецкой морфологии. Турецкий язык не имеет морфологических рядов чередований, не имеет традиционных чередований типа аблаута. Все преобразования слов и морфем в этом языке успешно могут изучаться в фонетике и в грамматике.

Не следует переоценивать роль морфологии и в славянских языках. Всюду морфологические чередования используются как дополнительное средство грамматической характеристики. Кроме того, не всегда используются все имеющиеся в славянских языках возможности представленных

²⁵ П. С. Кузнецов, указ. соч., стр. 66.

²⁶ Н. С. Трубецкой, указ. соч., стр. 116.

²⁷ Там же.

чередований. Основную роль играют, конечно, аффиксы. Так было уже в праславянском языке. И тем не менее А. Вайан с полным правом мог написать, что «...чередования устойчивы и играют в языке очень важную роль. В старославянском языке они образуют богатую и разнообразную систему с ясной функцией больших групп чередующихся звуков...»²⁸.

Функционирование морфонологических чередований в славянских языках изучено еще очень поверхностно. Даже в подробных грамматических очерках современных литературных языков морфонология отсутствует. Лучшее изучена польская морфонология — начало ей положил И. А. Бодуэн де Куртене; значителен вклад С. Шобера, который еще в 1931 г. охарактеризовал структуру основных морфонологических чередований в польском языке. В 1934 г. Н. С. Трубецкой опубликовал небольшую монографию «Das morphologische System der russischen Sprache». Слабо изучена морфонология чешского и словацкого языков. Почти нет работ по морфонологии южнославянских языков. Совсем мало исследований по исторической морфонологии славянских языков²⁹. В последние годы ряд ценных работ в этой области опубликован П. С. Кузнецовым и Э. Станкевичем.

Морфонологические чередования гласных и согласных фонем. Чередования могут быть вокалическими (чередования гласных) и консонантными (чередования согласных). Между ними существуют четкие границы. Однако при изучении истории чередований следует учитывать изменчивость границ между системами вокализма и консонантизма. Прежде сонанты могли быть гласными и согласными — и в настоящее время, например, в чешском языке [r] и [l] в определенных условиях могут выполнять функции гласных звуков (ср. *srđce*, *krk* «горло, шея», *vlk*, *vlhky* «влажный», *slza*). В праславянском сонанты могли вступать в чередования с гласными. Отдельные случаи чередования гласных с сонантами можно привести и из современного сербохорватского языка: *brāo* — *brāla* — *брали*; *m̃o* — *m̃rla* — *m̃rli*; им. ед. *d̃eo* «часть», но род. ед. *d̃ela*; им. ед. *drao* «орел», но род. ед. *bra*. Чередования гласных могли переходить в чередования согласных. Так, чередование дифтонгических согласных [eɥ : oɥ] после их монофтонгизации было отражено в праславянском уже в виде чередований твердых и мягких согласных.

Чередования гласных в славянских языках формировались в различных периоды истории. Как уже было указано, праславянские чередования гласных (аблаут) сформировались на почве индоевропейского праязыка. Некоторые праславянские чередования, используя древние индоевропейские, по существу начали функционировать только в праславянском (ср. чередования гласных в случаях типа *roditi* — *radjati*, *močiti* — *makati*, *goniti* — *ganjati*, *lomiti* — *lamati*, *skočiti* — *skakati*, *plesti* — *zaplétati*, *mesti* — *zamětati*, *lečiti* — *létati* и под.). Многие чередования гласных установились уже после распада праславянского языка в отдельных славянских языках. Именно такими чередованиями являются чередования гласных с нулем звука на месте старых сверхкратких: русск. *сон* — *сна*, *песок* — *песка*, *день* — *дня*, польск. *sen* — *snu*, *piesek* — *piasku*, *dzień* — *dnia*, словацк. *sen* — *sna*, *piesok* — *piesku*, *deň* — *dňa*.

Отдельные изолированные случаи чередований согласных можно отнести еще к древнейшему периоду: *pryskati* — *bryzgati*, *kokotati* — *gogotati*, *komolъ* — *gomolъ* (ср. в чеш. *komolý* «усеченный» — *homole* «конус»), *kruša* — *gruša*, *dal-* — *tal-* (ср. чеш. *dálný*, но *otáleti* «медлить, замедлять», см. литов. *tolì* «далеко»), *sold-* — *solt-*; ср. болг. *слаѣкъ* — *slatъk*, русский

²⁸ А. Вайан, Руководство по старославянскому языку, М., 1952, стр. 94.

²⁹ См. об этом: П. С. Кузнецов, указ. соч., стр. 62.

старославянизм *слаже* (<oldje) — *слаце* (<soltje), *ногѣтъ* — *погѣтъ*. Вариант *погѣтъ*, более древний, представлен во всех восточнославянских языках, господствует в западнославянских, представлен в словенском; второй вариант *погѣтъ* характеризует почти все южнославянские языки: болг. *погѣтъ*, макед. *нокот*, серб.-хорв. *ндкат*; из западнославянских языков вариант с [k] знают польский и нижнелужицкий: польск. *razno-kieć*, н.-луж. *pokś*.

Однако основные типы и виды чередований согласных, даже в наиболее их архаической части, начали формироваться в праславянском. В большинстве случаев чередования согласных возникли из позиционных фонетических изменений (главным образом в связи с изменением согласных перед [j]). Многие чередования согласных возникли уже на почве отдельных славянских языков в связи с различными локальными процессами. В грамматической системе всех славянских языков чередования согласных выполняют важные функции, особенно в тех языках, которые имеют богатую систему мягких согласных фонем (в русском и польском языках). В современном русском языке морфонологические чередования согласных играют более важную роль, нежели чередования гласных. Богаче система чередований гласных в украинском, польском и чешском языках, но и здесь чередования согласных доминируют.

Широко представлены в славянских языках чередования гласных с согласными (ср. русск. *жать* — *жму*, *мять* — *мну*, диалектн. *dut'* — *dmu*, польск. *żąć* — *żnę* «жать», *ciąć* — *tnę* «резать», *dać* — *dmę*, *kląć* — *klnę* «ругаться»; серб.-хорв. *жѣти* — *жмѣм*, *клѣти* — *кнѣм* и под.). Все эти случаи возникли на основе праславянских чередований гласных.

Обычно в каждом звене чередования наблюдаем взаимозамещаемость одной фонемы. Однако хорошо известны случаи, когда чередуется фонема с нулем, когда одна фонема чередуется с сочетанием фонем. Последний случай обычно наблюдается в парадигматических чередованиях на стыке морфем: ср. русск. *люблю* — *любишь*, *хрущу* — *хрустишь*. Богат такими чередованиями сербохорватский язык, в котором палатализационные процессы перед [j] действовали поздно (после утраты сверхкратких в «слабой» позиции): им. ед. *крѣ* — твор. ед. *крѣљу*.

Чередования в разных позициях слова, в различных частях речи. Не одинаковы возможности морфонологических чередований в различных позициях слова. В славянских языках основная проблематика чередований связана главным образом с к о р н е в о й частью слова. Это в равной степени касается как чередования гласных, так и чередования согласных. Во всяком случае соотносительные ряды морфонологических чередований вне корневой части слова обнаруживаются реже.

В праславянском чередования гласных были известны в корнях (ср. *berǫ* — *byrati*), в префиксах (ср. *potokъ* — *pa-męty*), в суффиксах (ср. *starikъ* — *starьсь*), в тематических элементах основ (ср. основу *-orbo-* — *orbe-*). Современные славянские языки знают чередования только в корнях и суффиксах.

Различна судьба морфонологических чередований в различных позициях морфем. Если говорить о чередовании согласных, то здесь для корневых морфем необходимо различать начальную и конечную позиции. Чередование начальных согласных корневой морфемы оказывается неустойчивым, так как в этом случае рано утрачивается тождество вариантов морфем: ср., например, чередование в морфеме *ken-* — *kon-* — *кѣп-*, отраженное в *пацѣти*, *копѣсь*, *пабьно*, или чередование в морфеме *kel-* — *kol-* — *кѣл-* — *кѣл-*, представленное в русск. *цѣлюсь*, *колоть*, *кѣлкы*, *чѣлкы*, или чередования в морфеме *skom-* — *skem-* — *скѣм-*, отраженные в русск. *оскомина*, *щемить* (<*skemiti*), в др.-польск. *szczyćć* (<*skęmiti*).

Наиболее устойчивой позицией чередования для корневых согласных является исход морфемы, так как в этом случае чередование не приводит к утрате тождества морфем (ср. русск. *грех* — *грешник*, *мох* — *миштый*, чеш. *pos* — *poční*, *hrách* — *hrášek* и под.). Большинство соотносительных рядов морфонологических чередований согласных связаны именно с исходом морфемы. Для чередующихся рядов гласных позицию различать не нужно, так как она не вызывает нарушения тождества морфем. Конечно, здесь речь идет только о современных славянских языках. Аблаут постоянно нарушал синхроническое тождество.

По-разному распределяются чередования в различных частях речи. Так, соотносительный ряд [k : ě], [g : ž], [x : š] в имени представлен обычно в деривационных чередованиях (ср. русск. *рука* — *ручка*, *ручонка*, *рученька*), тогда как в глаголе он известен и в парадигматических чередованиях (ср. русск. *теку* — *течет* — *текут*)³⁰. «Изучение морфонологии русского языка показывает, например, что в этом языке ряды звуковых чередований в именных и глагольных формах не одинаковы», — писал Н. С. Трубецкой³¹. Это положение можно уточнить: во всех славянских языках система морфонологических чередований устойчивее и богаче в глаголе, нежели в имени. Это в первую очередь относится к парадигматическим чередованиям.

В тезисах «Пражского лингвистического кружка», опубликованных к I съезду славистов, сказано: «Фонологическое и морфонологическое описание всех славянских языков и их диалектов — насущная проблема славистики»³². С тех пор прошло почти сорок лет. За этот период славянская фонология далеко шагнула вперед. Имеются ценные фонологические описания литературных языков, диалектов, интенсивно развивается диахроническая фонология (в частности, праславянская фонология). Иной была судьба морфонологии. В начале 30-х годов появились первые опыты в этой области (полабская и русская морфонология Н. С. Трубецкого, польская морфонология С. Шобера). Однако это направление в науке не получило широкого развития. Лишь время от времени появлялись небольшие статьи и заметки, в которых рассматривались мимоходом отдельные частные вопросы. Русская морфонология Трубецкого оказалась одним из наименее известных произведений великого лингвиста. Во всяком случае, она не оказала влияния на русскую грамматическую науку. Главная причина — в том, что морфонологическая проблематика трактовалась Трубецким слишком широко. Не было установлено четких границ между морфонологией и словообразованием, между морфонологией и фонологией, между морфонологией и фонетикой. Отрицательную роль в истории морфонологии сыграло и выделение фактически несуществующей единицы — морфемы³³.

³⁰ Э. Станкевич приводит три примера с парадигматическими чередованиями [k : ě] и [x : š] для имен из восточнославянских языков: *око* — *очи*, *уго* — *уши*, *клок* — *клочья*. См.: E. Stankiewicz, The consonantal alternations in the Slavic declension, «Words», 16/2, 1960, стр. 193. Число примеров можно существенно пополнить.

³¹ Н. С. Трубецкой, указ. соч., стр. 118.

³² «Тезисы Пражского лингвистического кружка», в кн. «Пражский лингвистический кружок», М., 1967, стр. 22; см. также в кн. «A Prague school reader in linguistics», Bloomington, 1964, стр. 38. В книге В. А. Звегинцева «История языковедения XIX и XX веков в очерках и извлечениях», ч. II (М., 1960, стр. 73) это место тезисов дано неточно.

³³ Подробнее об этом см.: А. А. Реформатский, указ. соч., стр. 96—99.